

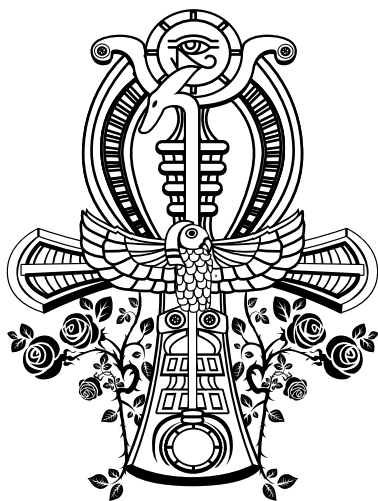
Наталья
Солнцева

ДЕТЕКТИВЫ НАТААЛИ СОЛНЦЕВОЙ

- ✓ «Венера и Демон»
- ✓ «Шарада Шекспира»
- ✓ «Яд древней богини»
- ✓ «Сокровище Китеж-града»
- ✓ «Французский ангел в кармане»
- ✓ «Этрусское зеркало»
- ✓ «Московский лабиринт Минотавра»
- ✓ «Печать фараона»
- ✓ «Принцесса из Шанхая»
- ✓ «Испанские шахматы»
- ✓ «Она читала на ночь»
- ✓ «Амулет викинга»
- ✓ «Ожидай странника в день бури»
- ✓ «К чему снится кровь»
- ✓ «Опасайся взгляда Царицы змей»
- ✓ «Все события неслучайны»
- ✓ «Не бойся глубины»
- ✓ «Дневник сорной травы»
- ✓ «В Храме Солнца деревья золотые»
- ✓ «В горах ближе к небу»
- ✓ «Следы Богов»
- ✓ «Легкие шаги в Океане»
- ✓ «Свидание в Хэллоуин»
- ✓ «Последняя трапеза блудницы»
- ✓ «Кинжал Зигфрида»
- ✓ «Золотой гребень для русалки»
- ✓ «Три смерти Коломбины»
- ✓ «Отпуск на вилле с призраком»
- ✓ «Селфи с римским фонтаном»
- ✓ «Эффект чужого лица»
- ✓ «Мантия с золотыми пчелами»
- ✓ «Красный Лев друидов»
- ✓ «Копи царицы Савской»
- ✓ «Портрет кавалера в голубом камзоле»
- ✓ «Танец семи вуалей»
- ✓ «Полуденный демон»
- ✓ «Натюрморт с серебряной вазой»
- ✓ «Шулер с бубновым тузом»
- ✓ «Джоконда и Паяц»
- ✓ «Эликсир для Жанны Д'Арк»
- ✓ «Пассажирка с «Титаника»»
- ✓ «Прыжок ягуара»
- ✓ «Камасутра от Шивы»
- ✓ «Новый Декамерон»
- ✓ «Иди за мной!»
- ✓ «Дьявольский поезд»
- ✓ «Убийство в пятом варианте»
- ✓ «Подручный смерти»
- ✓ «Черный байкер»
- ✓ «Дуэль с Оракулом» .
- ✓ «Роковой подарок жениха»
- ✓ «Адвокат и его женщины»
- ✓ «Лабиринт Ворона»
- ✓ «Медвежий сад»
- ✓ «Опасная невеста»
- ✓ «Хозяйка книжного магазина»

Наталья Солнцева

Хозяйка
книжного магазина

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Солнцева, Наталья.

С60 Хозяйка книжного магазина / Наталья Солнцева. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Мистический детектив).

ISBN 978-5-17-113452-5

«Она начинала улавливать подтекст событий раньше, чем какие-либо факты наталкивали ее на парадоксальные догадки...»

К частному детективу Смирнову обращается за помощью сотрудник банка Стас Киселев. Он жутко напуган: накануне Стас со случайными приятельницами отправился на вечеринку в эзотерический клуб, который славится в городе своими кровавыми ритуалами. После посещения клуба одна из девушек бесследно исчезла. Пока Смирнов занимается ее поисками, погибает вторая девушка. В убийствах подозревают банду «Алая маска». Одной из ее жертв стала хозяйка книжного магазина «Азор». В ходе расследования сыщик неожиданно для себя попадает в водоворот мистических событий, где помогут только подсказки, которые владелица магазина особым образом поставила на полках. Но для кого подсказки предназначены на самом деле?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113452-5

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Книга рождается в тот момент, когда вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и вашего.

Жизнь — это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша
Наталья Солнцева

Те, кто этого заслуживает, будут
узнаны нами, и с ними будет
установлен контакт особым образом...

*(Из Парижского манифеста
тайного общества, 1622 год)*

Глава 1

Это был страшный, кровавый сон... мертвое тело на полу,
изуродованное лицо...

Бежать, скорее прочь отсюда!

Руки не попадали в рукава, пуговицы не застегивались.
Пальцы соскакивали, не в силах справиться с тугими пет-
лями. Скорее, скорее же! От нетерпения сводило челюсти.

Улица встретила хлестким, ледяным ветром, скользкими
тротуарами, зловещей белизной снега.словно весь город
одет в погребальный саван. Остро, ярко ударили в глаза
синь зимнего неба, холодная четкость, твердость линий.
В очертаниях домов сквозила угроза.

Ноги сами несли к метро, к лестнице, ведущей вниз... в
подземелье, где ходят по прорытым туннелям поезда, —
в черноте, в глубине городской утробы. Наконец-то мож-
но сесть, передохнуть, расслабиться... В покачивающемся,
постукивающем вагоне никто ни на кого не обращает вни-

мания. Все едут рядом: добропорядочные граждане и преступники, старики, молодежь, дети с родителями, умники и глупцы, циники, лирики, счастливицы и неудачники, гении и бесталанные, беглецы, святоши, грешники, убийцы... Да, и убийцы тоже. С виду они ничем не отличаются от обычных людей. Разве что взглядом? Полно! И взгляд у них такой же, как у всех остальных. Может быть, чуть тревожнее, слегка напряженней. Они прячут глаза...

Поезд мерно шумел, укачивал; открывались и закрывались автоматические двери, кто-то входил, кто-то покидал светлые, блестящие вагоны. За окнами мелькали станции, огни туннелей, их бегущий мрак. Что таится в нем, когда последний по расписанию поезд замирает на рельсах, стихает, погружается в сон? Что происходит тогда в мутной тьме длинных извилистых коридоров, в шорохах, потрескиваниях, вздохах, глухом звоне падающих капель? Они отсчитывают время сна...

Непреодолимая волна дремы напозла, накрыла и унесла с собой... далеко...

— Да, — негромко произнес мужской голос. — Мы уходим, чтобы вернуться.

Воцарилась полная, абсолютная тишина, только оплывали толстые свечи из воска, чадили...

— На кого пал жребий? — спросил тот же голос.

Из густого сумрака выступила фигура в монашеской рясе с надвинутым на голову капюшоном. По ряду присутствующих пронесся невесомый шепот.

— Не называй своего имени, брат! — предупредил голос. — Не открывай лица. Мы поручаем тебе исполнить то, что должно. Давай клятвы, делайся клятвенным преступником, если потребуется, но ни при каких условиях не выдавай нашу тайну.

Фигура в рясе опустилась на одно колено. Узкие языки свеч плавно колыхнулись, по стенам пробежали багровые блики, замерли... Едва слышно прокотили слова не то молитвы, не то заклинаний и смолкли.

— В мире обмана негоже отступать от неписанных правил, — произнес голос. — Там, где все лживо, исти-

на теряется среди нагромождений вымысла. В мире, призванном поддерживать невежество и потакать заблуждениям, приходится жить по его законам. Ступай, брат... и да пребудет с тобой наше благословение!

Фигура в рясе поднялась и удалилась, оставив после себя эхо шагов. Когда оно рассеялось под гулками сводами, собравшихся уже не было. Свечи догорали в тишине и пустоте... пока не съезжился, затухая, последний фитиль...

Сон прервался внезапно, как и начался. С шумом, гамом ввалилась в вагон толпа возбужденных школьников. Они громко обсуждали последние новости, смеялись, подшучивали друг над другом. Молоденькая учительница тщетно пыталась утихомирить своих питомцев. Дети, судя по их болтовне, ехали на экскурсию в Кремль.

Вся эта веселая суета, свет в вагоне, приветливая чистота и блеск станций, ясная, морозная погода наверху, на расчищенных от снега улицах Москвы, зимнее солнце, горящее в витринах и стеклах домов, румяные, свежие лица прохожих совершенно не вязались с оставшимся на затертом полу трупом в потеках загустевающей крови, с ее приторным, удушливым запахом, мешающимся с запахами неухоженного жилья.

Какая нелепость ехать теперь вместе со всеми этими бодрыми, улыбающимися людьми... делая вид, будто ничего не произошло...

* * *

Во второй половине января Москва день за днем утопала в густых снегопадах. Солнце призрачным размытым пятном леденело в затянутом белой пеленой небе. Мороз крепчал. Над городом курились дымы, пар; тускло блестели огни. По бокам дорог лежали сугробы. Белые крыши, белые кружева деревьев, замерзшая белая река, белые мосты серебрились в скупом зимнем свете. Прохожие торопились скрыться в сырое нутро подземки, в тесноту автобусов и троллейбусов, в переполненные салоны маршруток.

Хорошо было любоваться летящим за окнами снегом, сидя в тепле, в уютном сиянии настольной лампы, пить горячий чай и слушать, как поет в проходных дворах злая метелица.

— Ну и погода, — вздохнул Смирнов. — Отличный фон для ледящего душу убийства.

— Как у тебя только язык поворачивается? — покачала головой Ева.

— Мозги застоялись! Пора им дать пищу для размышлений.

— Но не ценой же чьей-то жизни?!

— Люди убивают друг друга не потому, что есть сыщики. Скорее наоборот!

Всеслав Смирнов — красивый зрелый мужчина, бывший десантник, бывший командир спецназа, бывший охранник сильных мира сего — давно ушел со службы, но не на покой, а в частный сыск. На этом поприще Всеслав существенно выделялся среди своих коллег. Он принципиально не обзаводился офисом, не помещал в газетах объявлений с предложением услуг детектива, был разборчив в выборе клиентов и брался только за те расследования, которые могли увлечь запутанной интригой. При этом, как ни странно, недостатка в работе Смирнов не испытывал — иногда ему приходилось вести два-три дела одновременно. Высокая оплата, установленная сыщиком за оказываемую помощь, не отпугивала, а, напротив, привлекала к нему состоятельных людей, попавших по тем или иным причинам в затруднительное положение.

— Такое впечатление, что у богатых — одни проблемы! — восклицала Ева. — Неужели деньги непременно тянут за собой шлейф неприятностей?

— Скорее, опасных приключений, — усмехался Всеслав. — Жизнь подобна реке: на мелководье редко заплывает и крупная рыба, и крупный хищник. Большие корабли бороздят большие просторы и невольно подставляют бока ударам волн и штормовым ветрам.

Ева — любимая женщина Смирнова — постепенно пере-квалифицировалась из преподавательницы испанского языка в помощника по особо сложным расследованиям. Она еще давала уроки жаждущим выехать за границу, но делала

это все менее охотно. Куда интереснее было разгадывать тайные замыслы преступника, идти по его следам и наконец разоблачать злодея.

Зазвонил телефон.

— Вот! — скорчила недовольную гримаску Ева. — Накаркали, господин сыщик! Придется теперь вам горячий ужин и мягкий диван сменить на мороз, вьюгу, сухие бугорброды и беготню по городу.

— Ваша шпилька, прекрасная дама, не попала в цель! — парировал Смирнов. — Слушаю, — официальным тоном произнес он в трубку.

Однако дама оказалась права: звонил потенциальный клиент.

— Меня зовут Стас, — взволнованно произнес хриплый басок. — Стас Киселев.

— Кто вам дал мой телефон? — первым делом спросил сыщик.

— Эдик... Эдуард Проскуров. Он рекомендовал вас как лучшего профессионала, сказал, что вы его выручили в безвыходной ситуации. Видите ли... я работаю в банке, заведую одним из филиалов, а Проскуров является нашим вкладчиком. В общем... он оформлял через меня несколько кредитов, и мы познакомились.

— У вас что-то случилось?

— Да. Иначе бы я не звонил... Со мной произошло нечто ужасное! Вернее, не со мной, а... впрочем, это не телефонный разговор. Мы можем встретиться прямо сейчас?

— На завтра отложить нельзя?

— Нет, что вы! — в голосе Стаса прозвучала истерическая нотка. — Я не смогу уснуть! Мне... необходимо с кем-то посоветоваться.

— Хорошо. Где будем разговаривать? Бильярдная «Золотой шар» подойдет?

Смирнов бросил взгляд на часы — пять часов, уже смеркается. Ева показала ему кончик языка — так, мол, тебе и надо! Не сиделось дома? Иди, мерзни, топай по рыхлой снежной каше на тротуарах, толкайся в метро, торчи в душной бильярдной и выслушивай чужую исповедь.

— На машине не доберешься, — с сожалением сказал сыщик, глядя из окна во двор. — Застрянешь где-нибудь и будешь куковать. Волка ноги кормят!

— А пирог с мясом, который вот-вот поспеет? — ехидно пропела Ева. — А твои любимые грибы в сметане? А холодная «Перцовка»?

— Не трави душу.

Через четверть часа Смирнов, весь в снегу, уже спускался в метро. А в шесть он вошел в ярко освещенный бар «Золотого шара». За столиком, под картиной «Любители аперитива», написанной в размашистой манере импрессионистов, сидел молодой человек — кроме него, в баре никого не было. Увидев сыщика, парень привстал и вяло махнул рукой.

— Господин Смирнов? Я вас таким и представлял... мужественным, с широкими плечами. — Он опустил обратно на стул, его унылое лицо чуть оживилось. — Неужели вы сможете мне помочь? Господи, что я говорю? Кроме вас, мне не на кого надеяться.

— Изложите суть дела, Стас. И поподробнее.

Молодой человек поднес руки к вискам, сжал их и прерывисто вздохнул. Он был довольно высок, одет в темные брюки и свитер, аккуратно, модно подстрижен, с нервными, тонкими чертами лица.

— Это я виноват... мои дурацкие увлечения не довели до добра! Понимаете, я... сейчас у всех принято иметь какое-то хобби. Одни сидят в Интернете с утра до ночи, другие заводят собак диковинной породы, третьи голодают... ну, вы понимаете.

Сыщик вежливо кивнул.

— Следовательно, у вас тоже есть увлечение, Стас. Вы это пытаетесь мне сказать? Смелее, мой друг! Иначе мы просидим здесь до ночи, а я не успел поужинать.

— Да-да, простите. Давайте закажем что-нибудь, — робко предложил молодой человек. — Я не голоден, а вы...

— Какого рода ваше хобби? — перебил его Смирнов.

— Духовное.

— То есть? Вы верующий? Исповедуете какую-либо религию?

Киселев замялся.

— Я... люблю смотреть по телевизору эзотерические передачи, — краснея, выдавил он. — Захотелось попробовать кое-что на практике. В городе полно подобных тусовок... всякие там индийские общества, кришнаиты, последователи Ошо, любители трансцендентальной медитации, клубы спиритизма и прочее. Вот я и стал их посещать... по очереди.

— Зачем?

— Интересно... Я просто слушал, смотрел. Иногда брал с собой приятелей и... девушек, за компанию. Потом при случае мог вернуть *словцо*, какие нынче в моде: *карма*, например, *аура* или *биополе*.

— Блеснуть «духовностью»! — съязвил сыщик.

Стас опустил глаза.

— Вроде того. Вам смешно?

— Пока нет. И что же дальше?

Молодой человек оттянул ворот свитера, словно тот давил ему на горло, нервно поежился, оглянулся на дверь. Ему явно было не по себе.

— Есть такое общество... называется «Молох», — прошептал он. — Мне один парень про него рассказал, из этих... *друидов*.

— Кого? — не понял Всеслав.

— Я сам толком не знаю. Они вроде поклоняются деревьям, черпают у них энергию, что-то такое... «Лесные братья», в общем. Так *друиды* свою группу окрестили. Но это неважно! Дело в другом, в «Молохе». Я ведь, положа руку на сердце, ни во что сверхъестественное не верю. Балуются люди, развлекаются кто во что горазд — придумывают страсти-мордасти.

— Странное хобби для банкира, вы не находите?

— Я не банкир, а всего лишь наемный управляющий, — вздохнул Стас. — На работе я свои похождения стараюсь не афишировать. Да и значения им не придавал! Сейчас многие бизнесмены к магам обращаются, заказывают обряды на удачу в делах, на финансовое изобилие и разные другие штуки. Заигрывать с *нечистым* становится чуть ли не модным. Тема вампиров, ведьм, колдовства заполонила

не только экраны и печатные издания, но и некоторые великосветские гостиные, молодежные тусовки.

— Как в семнадцатом веке при королевских дворах! — воскликнул сыщик. — Когда высшая знать увлекалась «черными мессами» и некий аббат практиковал дьявольские обряды в заброшенной церкви Сен-Марсель. Говорят, к его услугам прибегали чуть ли не коронованные особы, а уж фаворитки изменчивых монархов тем более не гнушались поддержкой «темных сил».

— Вы неплохо подкованы, — усмехнулся Киселев.

— Профессия обязывает. Однако вы ушли в сторону от волнующей темы. Не решаетесь признаться в главном?

— Боюсь показаться беспочвенным фантазером, — кивнул молодой человек. — Впрочем, раз пришел сюда, рискну создать о себе нелестное впечатление.

— Смелее! Сыщики, врачи и священники привыкли выслушивать все, что угодно. Судить — не их предназначение. Вы начинайте, а я буду перебивать, когда понадобится.

Стас глубоко вздохнул и приступил к своей истории:

— Мне тридцать один год, я не женат и ни с кем постоянно не встречаюсь. Влюбленности приходили и уходили; были два более-менее серьезных романа, но ни один не окончился браком. Я охотно знакомлюсь с девушками, провожу с ними время... в общем, надеюсь найти достойную подругу жизни. Этим летом судьба свела меня с двумя молодыми особами — Вероникой и Мариной. Они приехали в Москву из глубинки, откуда-то с Дона, из городка Шахты. Обе — воспитанницы детдома, ни кола, ни двора, ни близкой родни. Работали где придется, перебивались крохами, решили попытаться счастья в столице.

— Опрометчивое решение. А где вы с ними познакомились?

— На улице, — смутился Стас. — Понимаете, мой папа — заслуженный тренер по плаванию; я тоже, естественно, хороший пловец. Раньше, еще во время учебы, отец брал меня на лето в лагеря, где я не просто отдыхал, а подрабатывал спасателем. С водоемами шутки плохи!

— Нельзя ли ближе к делу? — не выдержал сыщик.

— Я и говорю о деле. Чтобы работать спасателем, необходимо уметь не только отлично плавать, но и оказывать первую помощь: делать искусственное дыхание, массаж сердца и прочее.

— А при чем тут Вероника и Марина? Они что, тонули, а вы их спасали?

— Нет... то есть да. Я шел по улице — солнце, пыль, духота неимоверная, — увидел группу людей, подошел. Любопытство, знаете ли! Глянул — на газоне лежит девушка, бледная, аж синяя... не дышит. Один человек пытается неумело привести ее в чувство, остальные сгрудились вокруг без толку, охают, ахают. «Скорую» вызвали, а она все не едет и не едет. Двое парней взялись неумело делать искусственное дыхание: бились, бились... устали. Все, говорят, бесполезно! И тут меня словно кто в спину толкнул. Как же так, думаю? Женщина молодая, лет двадцати пяти от роду... умирать ей еще рано, да и обидно как-то. Бросился на помощь, руки сами работают: навык доведен до автоматизма. Вокруг шепоток — зря старается, мол, — а я не обращаю внимания, продолжаю свое дело. В какой-то миг лицо лежащей порозовело, тело дрогнуло, и она вздохнула самостоятельно... ожила, в общем. Скоро и врачи подоспели.

— То есть вы спасли жизнь Марине? Или Веронике?

— Марине. Только потом я заметил, что рядом на корточках сидит то ли подруга, то ли сестра, рыдает в голос. Ты кто? — спрашиваю. Оказалось, они близкие подруги. Так и познакомились. Когда я узнал, что девчонки приезжие, дал на всякий случай свой адрес, телефон. Синдром спасателя! Если возвращаешь кого-то к жизни, это роднит: хочется оказывать покровительство и дальше, опекать, заботиться. Обратиться им в Москве было больше не к кому, на следующий день они нашли меня, долго извинялись, умоляли устроить на любую работу.

— Вы помогли?

— В первую очередь спросил о здоровье: почему Марина потеряла сознание, упала, перестала дышать? Оказалось, от волнения и духоты стало плохо. Врачи «Скорой помощи» развели руками, — сердце больное, — слава богу,

обошлось. Можно сказать, чудо свершилось! Подыскал я девушкам временное жилье, денег одолжил, устроил на рынок, реализаторами. У меня там приятель кожаными изделиями торгует, — поспособствовал. На первых порах дамы были довольны, не знали, как благодарить. Завязались отношения.

— Какого рода? — уточнил Смирнов.

— Чисто дружеские! — Стас прижал руки к груди. — Клянусь, ничего больше. Вероника мне симпатизирует, но... понимаете... эти девушки не моего круга — другое воспитание, образования никакого... внешность оставляет желать лучшего. Словом, серенькие мышкы, неотесанные провинциалки. Изредка я приглашаю их в кафе, угощаю ужином, вот и все.

— Так в чем проблема?

— Черт меня дернул повести их на ту проклятую тусовку в «Молох»! — с отчаянием в голосе воскликнул молодой человек. — Каюсь, покрасоваться захотелось, блеснуть, поразить воображение! Разве Марина с Вероникой такое в своем городке могли увидеть? Я и сам не подозревал, чем это приключение обернется. Туда людей с улицы не пускают, только своих или по рекомендации: нас *друид* провел. Дурак я! Болван!

То, что дальше рассказал Киселев, заинтересовало сыщика.

— Я, пожалуй, возьмусь за ваше дело, — сказал он, выслушав подробности. — Есть в нем некая *изюминка*. «Молох», говорите?

— Ненасытная сила, алчущая человеческих жертв, — пробормотал Стас. — В древности людей сжигали живьем, чтобы умилостивить Молоха. Мне *друид* объяснил. Дескать, мы явились в *предсказанный час*!

— Вернемся к прозе жизни, — улыбнулся Смирнов. — Мои услуги стоят недешево.

— Я заплачу! У меня есть сбережения. Возьму у отца, если не хватит.

Всеслав посмотрел на молодого человека долгим взглядом, подумал.

— Дайте мне адреса девушек, этого вашего... *друида* и, конечно, общества «Молох», — решил он.

Глава 2

Старуца

Валерий Хромов жил на самой окраине городка в просторном доме, обнесенном высоким дощатым забором. Вокруг дома раскинулся дикий сад, заросший кустами малины и шиповника. И дом, и забор, и сад обветшали, пришли в запустение, но сейчас, из-за снега, этого не было заметно.

Валерий переехал к матери после ссоры с женой, да так и остался. Бывшей школьной учительнице Хромовой было не прожить одной на пенсию; содержать дом она по состоянию здоровья уже не могла: постоянно мерзла, едва ковыляла с палочкой по натопленным комнатам, кое-как стряпала и поддерживала порядок. Валерий с ужасом думал, как он будет управляться, если мать сляжет.

Сам Хромов работал в мебельной мастерской столяром, делал на заказ двери, столы, шкафы и комоды, — трудился с утра до вечера, а когда клиенты торопили, то в выходные и праздники. Мать ворчала, а ему нравилось — пили, строгай, шлифуй: некогда горевать, думать о разрыве с Яной, о неудавшейся семейной жизни.

С будущей супругой Валерий познакомился на свадьбе у приятеля — жалко стало девчонку, одиноко сидевшую в уголке, которую никто не приглашал танцевать. Подошел, сел рядом — разговорились. Яна жила в Москве, работала киоскершей в метро, продавала то книги, то газеты и журналы, то учебники — что хозяин велит. Она приходилась дальней родней невесте и почти никого из присутствующих не знала. Вырастила и воспитала ее такая же мать-одиночка, как и Зинаида Васильевна Хромова. Отчасти Яну и Валерия объединила похожесть судеб, отчасти — отсутствие интереса к ним окружающих. Оба среднего роста, неказистые, скромно одетые, они не привлекали ничьего внимания, скучали на вечеринках и посиделках — *не пользовались спросом*, как ни обидно было это признавать.

После свадьбы Яна уезжала в Москву, и Валерий вызвался ее проводить, а заодно прогуляться по столице, развеять-

ся. По дороге они еще больше сблизились, прониклись друг к другу сочувствием.

— Ты кем работаешь? — спросила Яна.

— Столяром.

— Платят хорошо?

— Какое там?! — махнул рукой Хромов. — Пашешь с утра до вечера, а зарплаты едва хватает концы с концами свести. Хотел дом отремонтировать, крышу поменять, отопление новое сделать — не получается. Матери лекарства нужны, хорошее питание. Одна она у меня на всем белом свете.

Мотив неприкаянности, одиночества звучал и из уст новой знакомой.

— Тебе повезло, что мама еще жива, — вздыхала она. — Моя умерла.

В Москве Яна пригласила Хромову в тесную квартирку на пятом этаже панельного дома в Кунцеве, где из каждого угла смотрела пустыми глазами бедность.

— Может, тебе здесь работу поискать? — предложила девушка. — Столяры наверняка нужны, да и платить будут побольше, чем в Старице.

Она принесла несколько газет с бесчисленными объявлениями о трудоустройстве, и Валерий углубился в чтение.

— Возьми с собой, — посоветовала Яна. — Просмотри не спеша, отметь то, что подходит. Захочешь приехать — милости прошу! Телефон у меня есть, обзвоним все фирмы... вдруг что-то стоящее попадется.

Она как в воду глядела. Через две недели Хромов снова приехал в Москву, устроился в столярный цех частной фирмы «Эбен», начал получать приличные деньги, снял жилье. В свободное время встречался с Яной, помогал ей делать в квартире скромный ремонт.

— Сколько ты за комнату платишь? — как-то спросила она. — Дорого небось? Переходи ко мне. Зачем зря деньги тратить? Лучше матери отсылай, а мне мужская рука в доме не помешает.

Полгода они жили в квартире Яны как хорошие товарищи, потом... молодость, здоровые желания, а главное, полное, как тогда казалось, взаимопонимание взяли свое. Яна и Ва-

лерий поженились. Он сам сделал все столярные работы в квартире, купили новый холодильник, телевизор, двуспальный диван. Зажили душа в душу.

То время Хромов вспоминал с непроходящей тоской. Ведь было же им хорошо вдвоем! Яна прибежала с работы счастливая, довольная, с полной сумкой продуктов... готовила ужин, ждала супруга. Кушали в гостиной, у телевизора, обменивались мнениями по поводу фильмов и передач, ложились вместе в постель, ласкались, засыпали безмятежно до следующего, такого же приятного утра. Раз в месяц, когда Валерий получал зарплату, отправлялись на оптовый рынок. Яна радовалась обновкам — модному пальто, сапожкам и туфелькам на шпильке, кофточкам, брючкам, которых она до сих пор не могла себе позволить.

Семейная идиллия продолжалась почти год, после чего Яну словно подменили. Или Хромов раньше просто не замечал этих ее качеств — желчи, сарказма, вечного недовольства всем и всеми? Начиная от политиков и заканчивая соседями, продавцами в магазинах, актерами кино, дикторами телевидения, хозяином киоска, где Яна работала, проходимыми на улицах и, конечно же, мужем.

— Мы с тобой богом обижены! — стала повторять она. — Даже родные отцы предпочли бросить нас, ушли от наших матерей к другим женщинам, чтобы любить и воспитывать других детей. Не нас! Почему так вышло? За что мы расплачиваемся?

— Так живут многие, — пытался образумить ее Валерий. — Взгляни вокруг.

Но Яну не интересовали окружающие, она обратила взор на себя и вспылала благородным негодованием.

— Почему у меня такая блеклая внешность? Такая плоская фигура? Такое невыразительное лицо? Ты только посмотри! Глазки маленькие, нос слишком широкий, бровки белесые, волосы редкие...

— А мне нравится, — успокаивал жену Хромов. — Не расстраивайся! Я ведь тоже не красавец.

— Вот именно! — пуще прежнего расходилась Яна. — Ты перестал меня возбуждать. Почему я не вышла замуж

за настоящего парня, с которым не стыдно появиться на людях?

— Тебе стыдно за меня? — опешил Валерий.

Она смутилась на миг, но быстро вернулась к своему раздражению.

— Правду сказать, гордиться нечем! Мы с мамой жили от зарплаты к зарплате, сэкономили буквально на всем. Я не смогла получить никакого образования; у меня нет ни одной «корочки», кроме школьного аттестата. Сразу после выпуска пришлось устраиваться на работу, чтобы покупать себе еду и одежду. Ты не поверишь — я носила одну и ту же обувь по пять-шесть лет, зашивала колготы капроновыми нитками... а о красивом платье или пальто только мечтала!

Она заплакала — горько, навзрыд. Валерию хотелось ее утешить, однако он подавил свой порыв. Ему тоже жилось не сладко, но откуда у Яны накопилось столько злой обиды?

— Почему одни имеют все, купаются в роскоши, а другие вынуждены довольствоваться крохами? — вопила она, размазывая слезы по щекам. — Чем они заслужили такие привилегии?

Хромов над подобными вещами не задумывался и не знал, что ответить жене. Сейчас его жизнь стала полнее, благодаря женитьбе, переезду в Москву, работе в «Эбене». Яне уже не нужно считать каждую копейку. Он не понимал, что ее мучает, чем вызваны ее истерики; вздыхал, молча выслушивал возмущенные монологи, становившиеся все длиннее и напряженнее.

— Что ты сидишь, как будто воды в рот набрал? — сердилась она. — Нужно выбираться из нищеты и безвестности!

— Как? Подскажи...

Это заставляло Яну погружаться в какой-то нервный транс — она часами, замерев и вперив взгляд в потолок, лежала, придумывала средства для достижения своих честолюбивых, амбициозных целей. Ее уже не устраивала зарплата Валерия, она мечтала о настоящем богатстве, когда можно покупать все, что угодно, и не задумываться о завтрашнем дне.

— Есть же какая-то загадка, какая-то хитрость... недоступная простым смертным, вроде нас с тобой, — устало говорила она, возвращаясь из мысленных странствий. — Я ее найду во что бы то ни стало.

Раньше Хромовы не ссорились, а теперь их разговоры превратились в перепалки, переходящие в громкие скандалы.

— Ты ничтожество! — с ненавистью глядя на мужа, цедила Яна сквозь зубы. — Олух бестолковый! Только и можешь, что рубанком да пилой орудовать. Домашнее хозяйство все на мне! Лампочки и то я вкручиваю, розетки неисправные чиню. А у тебя мозги окостенели от безделья, совсем не хотят шевелиться. Небось все извилины давно выпрямились!

Валерий терпел, терпел, а потом осторожно предложил жене сходить на прием к невропатологу, чем вызвал у нее приступ истерического хохота.

— Решил, что я ненормальная, да? Ха-ха-ха-ха! — заливалась она, сгибаясь пополам и вытирая выступившие слезы. — Ах ты, простофиля! Идиот слабоумный!

К врачу она не пошла, зато с тех пор стала называть Хромова дураком. Так и обращалась: «Иди обедать, дурак!» — или: «Вставай, дурак, пора на работу собираться!»

Валерий подобного поворота не ожидал и, растерявшись, пришел в замешательство. Как же быть? Жизнь с Яной стала невыносимой, но и возвращаться в Старицу, расстраивать больную мать не хотелось. Набрался духу, ушел в общежитие, где жил до того, как Яна предложила переехать к ней. Надеялся, жена одумается, и все пойдет по-прежнему, тихо и мирно, спокойно. Жаль, не оправдались ожидания.

Однажды вечером Хромов накупил подарков, еды и вина, пошел мириться с Яной. Она встретила мужа молча, какая-то присмирившая, отрешенная.

— Нашла лекарство от злости? — неловко пошутил он.

— Не твое дело.

На том и кончился разговор. Хромов остался на ночь, Яна не возражала, но и на ласки не откликнулась — отвернулась к стене, сделала вид, что спит.

Наутро они поссорились.

— Тебе нужны деньги? — спросил Валерий. — Вот, возьми.

Он положил на стол несколько купюр.

— Это ты называешь деньгами? — ни с того ни с сего взвилась жена. — Убирайся! Пока не поумнеешь, не смей показываться мне на глаза.

Деньги Хромов все же оставил, а сам ушел. Сосед по комнате в общежитии, которому он вскользь намекнул на проблемы в семье, рассудил по-своему.

— Дети у вас есть? — спросил он.

— Нет.

— В этом все и дело! Бабы должны детей нянчить, иначе взбесятся! Твоя о ребеночке мечтает, а ты ей деньги суешь.

Мысль о ребенке засела в уме Хромова. Через неделю он опять приехал к Яне, мириться. Она встретила его хмуро, но ужин приготовила, накрыла на стол.

— Хочешь ребенка? — спросил он после второй рюмки водки.

Жена уставилась на него как на полоумного.

— Совсем сдурел? — усмехнулась она уголком рта.

Однако ночью Яна охотно согласилась на близость. На следующий день Хромов забрал из общежития вещи и вернулся в семью. Они прожили еще год, полный вялых перебранок и последующего молчания. «Что я в ней нашел?» — думал Валерий. «Зачем я выходила за него замуж?» — удивлялась Яна. Она так и не забеременела, хотя занимались сексом Хромовы, не предохраняясь.

Яна усердно читала книги — благо она ими торговала, — все подряд, без разбору. Искала ответы на наболевшие вопросы. Валерий по настоянию супруги перелопатил домашнюю библиотеку. На выдавшей виды этажерке стояли советские издания: сочинения Маркса, Ленина, Горького, потрепанные книжки Чуковского и Гайдара, «Овод» Войнич и «Как закалялась сталь» Николая Островского.

— Чему ты удивляешься? — возмутилась Яна. — У нас с мамой едва хватало на питание. Тут уж, извини, не до культурного развития. Эти книги покупали еще бабушка с дедушкой.

Она начала носить книги из киоска домой, а когда Валерий делал вид, что прочитал очередной роман, уносила обратно. Хромов уставал на работе, но честно пытался «развивать интеллект». Он засыпал уже на второй странице, стараясь, чтобы Яна этого не заметила.

За второй год супружества они окончательно отдалились друг от друга. Валерий делал попытку за попыткой наладить отношения с Яной, но неизменно натыкался на непробиваемую стену.

— Ты не понимаешь, — говорила жена, и он соглашался.

Как и когда выросла между ними эта стена, Хромов не знал. Ссоры стали редкими, потому что у чужих людей меньше поводов браниться. Последний скандал возник, когда они отмечали день рождения Яны — ей исполнилось двадцать два года, а Валерию казалось, что он женат на глубокой старухе, побитой жизнью и сварливой, у которой не осталось никаких радостей.

— Посмотри на себя, — не выдержал Хромов. — Ты ведешь себя как... базарная баба! Чем я тебе не угодил? Подарок не нравится?

Яна покраснела, потом побледнела, схватила подаренный мужем зонтик и начала размахивать им у самого его носа.

— Это, по-твоему, подарок? — Она задыхалась от негодования. — Вот это-о?

У нее не хватало слов, чтобы выразить, как жалка, непрезентабельна преподнесенная Валерием вещь. Тяжелее всего было Яне осознавать, что при ее внешности шансы найти себе более достойного мужчину равняются нулю. Она со стонами отчаяния помахала в воздухе злополучным зонтом, выдохлась и упала на диван без сил.

— Тебе надо лечиться, — только и сказал Хромов. — Причем серьезно.

Он торопливо собрал чемодан и, не прощаясь, ушел. Возвращаться в общежитие было стыдно: поехал на вокзал, взял билет до Твери, оттуда доберется до Старицы на автобусе. Решил, что поживет пока у матери.

С тех пор минуло пять лет. Яна не написала ни одного письма, ни разу не позвонила. Официально они так и не

развелись. Валерий о разводе не думал — два года семейной жизни напрочь отбили у него охоту вступать в новый брак. За это время у него появилась женщина для интимных встреч — проще говоря, любовница. Лида жила в доме напротив, а работала в отделении связи почтальоном. По вечерам она приглашала Хромова к себе, угощала чаем и ватрушками с домашним творогом, отдавала принесенную с почты корреспонденцию. Впрочем, *корреспонденцию* — громко сказано: это были редкие открытки, которые приходили Зинаиде Васильевне от бывших учеников; раз в неделю — газета с программой и разные рекламные листки.

Поэтому Валерий удивился, когда утром увидел в окне Лиду, махающую ему рукой — выйди, мол.

— Тебе письмо, — сказала женщина, едва он подошел к калитке. — Я подумала, может, что важное.

За ночь навалило снегу, калитка не открывалась, и Хромов взял письмо, протянув руку через забор. Обратный адрес на конверте был незнакомым.

Москва

— У тебя новый клиент? — спросила Ева, помогая Славке отряхивать с куртки снег.

— Пожалуй, что да, — улыбнулся сыщик. — Стас Киселев, молодой, перспективный управляющий филиалом банка. Ты будешь в восторге от его рассказа.

— Правда? — оживилась она. — Надеюсь, дело не в финансовых махинациях?

— О нет!

— Что-нибудь таинственное?

— Более чем. Ужин еще не остыл? Я нарочно ничего не заказывал в баре, помнил обещанный пирог.

Ева поспешила накрыть на стол. Она предвкушала удовольствие от истории, которую сейчас услышит.

Смирнов утолил первый голод и приступил к рассказу.

— Итак, — начал он, — некий Киселев из-за своего увлечения эзотерическими практиками попал в неприятности, если можно так выразиться.

— А именно?

— У Киселева есть две знакомые девушки...

И сыщик рассказал, как Стас применил свои навыки по оказанию первой помощи, приобрел в лице Марины и Вероники восхищенных поклонниц, над которыми взял шефство, и к чему это привело.

— Он хотел поразить девушек и пригласил их в «Молох»? — переспросила Ева. — Это что, клуб такой, дискотека... или бар? Странное название.

— Название — полбеда, — вздохнул Всеслав. — Там они попали чуть ли не на «черную мессу»! Вообрази себе безлюдную улицу, первый этаж обычного панельного дома, где ничего не предвещает колдовского шабаша, ночь, массивную бронированную дверь... Туда не пускают посторонних, и лишь по просьбе *друида* — парня, несколько раз побывавшего в «Молохе», — два охранника во всем черном сопровождают нашего героя и его спутниц в просторную комнату без мебели. Ее стены задрапированы красным шелком, в полумраке горят красные и черные свечи, приглушенно звучит монотонный бой каких-то ударных, дым курений забивает дыхание, глаза слезятся. В глубине помещения огромный рогатый металлический истукан протягивает вперед «руки», как бы требуя жертв; у его ног теснятся стеклянные кувшины с ужасным содержанием — засунутыми вниз головой младенцами.

Ева ахнула.

— Настоящими?

— Стас говорит, то были резиновые куклы. Но эффект производят жуткий. Завсегдатаи знают, что младенцы резиновые, а вот новички пугаются. Когда вновь прибывшие отрывают взгляд от кувшинов, они видят группу «последователей культа», облаченных в бесформенные темные балахоны. Они окружают человека с выкрашенным золотистой краской лицом, который звонит в свисающий с потолка колокол и выкрикивает какие-то заклинания.

— Ничего себе! — зрачки Евы расширились, щеки горели. — А вход платный?

— Даже не думай, — отрезал сыщик. — Не хватало еще тебя потом разыскивать!

— Разве кто-то уже пропал?

— Давай по порядку. Зрелище, которое должно было заворочить наивных провинциалок, отчего-то повлияло на них неожиданным образом — девушки нервно захихикали, чем взбесили Главного.

— Кого-кого?

— Стас объяснил, что мужика с накрашенным лицом в «Молохе» величают Главным. Там вообще не принято пользоваться обычными именами. Главный играет роль то ли жреца, то ли вызывающего духов, а остальные — *внимающие*.

— И те, в балахонах?

— Все. Иерархия существует, но она завуалирована. Кстати, вход действительно платный, и «добровольный взнос» составляет двадцать долларов с каждого.

— Терпимо.

— Более-менее, — согласился Смирнов. — Так вот! Хихиканье новеньких не понравилось Главному, он решил припугнуть непочтительную публику и проделал следующий фокус: незаметно достал откуда-то ветку с мелкими белыми розами, дунул на нее, забормотал что-то неразборчивое и предложил девушкам убедиться, что розы настоящие. То есть... понюхать!

— Довольно эффектно! — воскликнула Ева. — Они понюхали?

— Разумеется. С тем же недоверчивым смешком. Чем, видимо, окончательно прогневили Главного! Он смерил их испепеляющим взглядом и заявил о *предсказанном часе*, — дескать, одна из девушек, явившихся сегодня последними, должна *утолить жажду* Молоха. Аромат белых роз, который она вдохнула, несет несмываемое проклятие. Все повернулись в сторону Стаса и его спутниц. «Кто из них?» — провыли одетые в балахоны *внимающие*. Главный помедлил и... указал на Марину.

— Я бы умерла со страху.

— Девушки опешили, испугались и бросились прочь... Стас за ними. Их никто не задерживал, дверь оказалась открытой, и троица благополучно выбралась на улицу. Только

тогда они сообразили, что верхняя одежда осталась в гардеробной. Темно, морозно, снежок порошит... но никто, в том числе и Киселев, не пожелал вернуться, чтобы забрать пальто и куртки. Молодой человек выскочил на дорогу, поймал такси... и все.

— Как это — «все»? — возмутилась Ева.

— Стас отвез девушек, потом добрался до своей квартиры, напился водки и уснул мертвецким сном. Утром вчерашний испуг показался диковинным приключением. Чувствуя свою вину, Киселев возместил Марине и Веронике материальный ущерб от потери верхней одежды. Дамы купили себе обновки и со смехом обсуждали забавное происшествие.

— Смеялись они недолго, надо полагать, — мрачно произнесла Ева. — Я угадала?

— Ты всегда на высоте, дорогая. Пожалуйста, отрежь мне еще пирога, вкусно невероятно. И чайку налей, если можно.

Ева беспрекословно выполнила просьбу, ожидая продолжения. Смирнов же занялся едой, отдавая должное и пирогу с сочной мясной начинкой, и грибам в сметане. Зловещие и загадочные криминальные подробности вызывали у него зверский аппетит.

— Водки хочешь? — предложил он, наливая себе холодной «Перцовки». — С мороза хорошо.

Ева скривилась, сделав отрицательный жест:

— Я же не выходила на улицу. Так что дальше было с теми девушками?

— Пока только с одной... с Мариной, — не переставая жевать, ответил сыщик. — Она ушла из дома и не вернулась. Уже десять дней прошло.

— Сколько? — ахнула Ева. — В розыск подали?

— Кому подавать-то? Девчонки детдомовские, в Москве у них никого, кроме этого Стаса. Вероника ни на что не решается, у нее нервный срыв: даже с работы уволилась, боится собственной тени. А Киселев и подавно не заинтересован в огласке. Сейчас заяви в полицию, придется рассказывать про тот злополучный поход в «Молох», странные склонности... и прочее. На работе узнают — уволят. Прощай, до-

ходное место, зарплата, карьера! Кому такое понравится? Сначала они с Вероникой ждали, что Марина вернется или хотя бы сообщит о себе: мало ли, как обстоятельства иногда складываются. Встретила мужчину своей мечты, загуляла, ногу подвернула, в обморок упала, как тогда, во время знакомства со Стасом... Увы, никаких вестей от пропавшей не было. Мобильный, как на грех, она забыла дома. Потом Киселев пытался ее искать — звонил в больницы, морги, как водится, — ничего. Стас отправился к *друиду* — в миру Платону Елкину — с вопросом, может ли исчезновение Марины быть связано с проклятием Молоха. Тот напугал молодого человека до полусмерти — дескать, вам не Марину разыскивать надо, а о себе позаботиться. Не ровен час, последуете за означенной жертвой, прямо в пасть кровожадного божества. Бред, конечно, но Киселеву уже стало не до смеха.

— И он рискнул обратиться к частному детективу?

— А какой у него еще есть выход? — усмехнулся Всеслав.

— Ты считаешь, *друид* не прав?

— Ева, не думаешь ли ты, что возымело действие *проклятие Молоха*? Оставь свои фантазии! — взмолился сыщик. — Таких экзотических тусовок в Москве пруд пруди. Если бы с ними были связаны исчезновения людей, это стало бы достоянием общестственности. Журналисты бы уши всем прожужжали! Скорее всего, имеет место обычное совпадение. *После* того еще не значит *вследствие* того, ты же прекрасно знаешь!

Но мысли Евы потекли в определенном направлении, и Смирнов был не в силах изменить его.

— *Друид* напраслину на «Молох» возводить не станет, — заявила она.

— Платон Елкин — нечто вроде зазывалы, который заманивает в «Молох» клиентов: в его интересах придумывать небывлицы, создавать вокруг общества ореол священного ужаса! Что он успешно делает. Даже ты попалась, — убеждал Всеслав. — Вот увидишь, исчезновение Марины подстроено.

— Специально, чтобы напугать какого-то Киселева и приезжих девчонок? — возразила Ева. — Скажи еще, что ей дали денег и попросили уехать куда подальше.

— Кстати, здравая мысль! Ты умница, дорогая. В последнее время нам «везет» на пропавших женщин, — задумчиво произнес сыщик. — Что бы это значило?

— Женщин беречь надо, вот что.

— Смотря какую сумму предложили Марине в обмен на ее отъезд из Москвы, — подхватил он в шутку высказанную Евой идею. — Бряд ли удастся найти даму, которая не согласилась бы исчезнуть на подобных условиях.

— Почему же ты решил работать на Киселева, если все так просто? — Ева выдала несокрушимый аргумент и победоносно уставилась на Смирнова.

Тот перестал жевать.

— На сей раз ты попала в точку! — улыбнулся он. — Есть в этой истории подозрительный «душок». Я его чувствую, а объяснить не могу. Будем размышлять.

Глава 3

Стас места себе не находил. Правда состояла в том, что он испугался. Предостережения отца по поводу увлечения религиозно-мистическими воззрениями полностью оправдались, он таки влип в неприятности.

«Зачем я потащил девчонок в «Молох»? — задавал он себе один и тот же вопрос. — Крутым хотел показаться? Этаким столичным *масоном*, таинственной личностью? Да бедные провинциалки и слов-то таких не знают! Их интерес дальше моего кошелька и кое-каких связей не простирается! Главное, чтобы жилье было, постоянная работа и примитивные развлечения: пива попить, в новом наряде покрасоваться, парня соблазнить, если повезет, замуж выскочить. Так нет, повыпендриваться решил, пыль в глаза пустить! Вот и доигрался! Как теперь выпутываться?»

Картины грядущих ужасов сменяли одна другую в воспаленном уме молодого человека. Вот его вызывают на допрос в полицию, подозревают бог знает в чем; с позором выгоняют с работы; объявляют опасным маньяком или сумасшедшим. Кошмары начали преследовать Стаса уже и во сне. Засыпая, он снова оказывался в страшной красной комнате... только

на стенах была не ткань, а самая настоящая кровь... она стекала вниз и блестящими лужами стояла на полу, в ее густом глянце отражались фигуры в балахонах и покрытое золотой краской лицо Главного. Он разбрасывал белые лепестки роз и приговаривал: «Утоли мою жажду... утоли... утоли...» И вот уже лепестки падают не в кровь, а на снег... перед унылой процессией, бредущей за гробом, в котором лежит...

— Нет, нет! Это не я! Не я! — кричал Стас и просыпался в холодном поту.

С большим трудом ему удавалось уснуть вновь, но страшный сон продолжался. Теперь перед ним возникало лицо Марины, белое и бескровное, как тогда, летом.

— Зачем ты меня спасал? — спрашивала она, протягивая к Стасу белые, тонкие руки. — Чтобы убить? Смерть не любит, когда ей мешают... Тебе пришлось исправлять ошибку? Да? Скажи мне... скажи.

Ее пальцы с бледной синевой под ногтями тянулись к его горлу, обхватывали ледяной петлей и сдавливали... сильно, еще сильнее...

Он хрипел, просыпался от удушья, вскакивал с постели, кашлял, с шумом втягивая воздух, неумело бормотал слова молитвы, кое-как успокаивался, выравнивал дыхание, шел на кухню пить воду.

— Ф-фу-ты, черт... ну и скрутило. Может, у меня астма?

В детстве он страдал от приступов астматического кашля, но перерос, выздоровел полностью, и плавание сыграло в этом не последнюю роль. Потому отец и таскал его за собой в летние лагеря, заставлял закаляться, бегать по утрам босиком по холодной росе, купаться в любую погоду. Если бы не плавание, не работа спасателем на воде, не навыки неотложной помощи, не познакомился бы он в тот роковой день с приезжими девчонками, не подружился бы, не строил бы из себя московского ловеласа, романтического героя, любителя острых ощущений, не поперся бы с ними в «Молох»...

— Все! Хватит! — вслух обрывал он запоздалые сожаления. — Что было, то прошло! Я мог захотеть покрасоваться перед другой девушкой, и вышло бы то же самое. Почему я мучаюсь, в конце концов? *Друид* посоветовал побывать в

«Молохе», привел нас туда, и ничего... не страдает, не вешает на себя вину. Ну, пропала Маринка! Так неизвестно же, по какой причине? При чем тут вообще *окультурные ритуалы*? Может, она решила плюнуть на всю эту московскую суету и вернуться в городок Шахты?

Но что-то в глубине души подсказывало Стасу: проклятие, да еще *несмываемое*, как заявил во всеуслышание Главный, было *при чем*. Оно коснулось смертоносным крылом всех троих новеньких, которых угораздило явиться в некий *предсказанный час*... и судьба Марины может постигнуть остальных. Суеверный ужас поднимался при этой мысли внутри Киселева, охватывал крепкими петлями грудь, останавливал дыхание. Наверное, так первобытные люди боялись непознанных и грозных явлений природы — грома, молнии, ураганного ветра, засухи, наводнения, колебаний тверди земной. И придумывали идолов, чтобы молить их о пощаде, задабривать щедрыми подношениями.

Если бы не этот глубинный, какой-то животный страх, Стас не обратился бы к сыщику. Его волновала не столько Марина, сколько он сам, его безопасность. Хотя... разве в состоянии обыкновенный человек соперничать с тайными силами? А что такие силы есть, у Киселева почти не осталось сомнений.

Вероника тоже была в шоке от происшедшего.

— Маринка меня не могла просто так бросить, — причитала девушка, заливаясь слезами. — Она мне все рассказывала, с детства. Мы же росли вместе, как сестры, я на год старше! Она бы ни за что никогда ни с кем от меня не сбегала. Искать ее надо, Стасик, миленький! Беда случилась, сердце чует.

— Цыц! Не каркай, дуреха! — срывался на грубость Киселев. — Накликаешь несчастье!

— Она же ничегошеньки не взяла, кроме сумочки и паспорта, — испуганно бормотала Вероника. — Деньги, вещи — все на месте.

— А паспорт, значит, взяла? Зачем, спрашивается?

— Ну... мы привыкли документы при себе носить. Москва же! Могут остановить, проверить регистрацию.

— Она сказала, куда идет?

— Насчет работы узнавать. Нам позвонили... из тепличного хозяйства. Им работницы в теплицы нужны. Надоело на рынке стоять, да и зарплата там повыше. Правда, ездить далеко, за город, аж в Зеленую Рощу.

— Что за тепличное хозяйство? Почему мне не сказали?

— Так... мы объявления в газете нашли: из страховой компании и тепличного хозяйства. Позвонили. Нас пригласили на собеседование. В страховые агенты мы не подошли, а в теплицы обещали взять. «Оставьте свой телефон и ждите», — сказали. Мы и ждали. Да это давно было, еще до «Молоха»! Мы уж забыли, вдруг — звонок: приходите, мол, поговорим об условиях. Маринка поехала, — она в тот день выходная была, — а я на работу пошла. Все... больше я ее не видела. Вечером, поздно уже было... начала по тому телефону звонить, но никто не отвечал.

— Конечно, — сердился Стас. — Ты бы еще среди ночи позвонила! Люди давно домой ушли.

— Я и с утра звонила, — оправдывалась Вероника. — Про Маринку спрашивала. Только она там не появлялась. Не дошла, значит! По дороге что-то случилось...

Киселев не раз перебирал в памяти разговор с Вероникой, но зацепиться было не за что. Он все пересказал сыщику, а тот захотел сам побеседовать с девушкой. Не доверяет? Или привык задавать вопросы непосредственно свидетелю? Свидетелем чего была Вероника Грушина? Их знакомства, их отношений, во-первых; во-вторых, посещения «Молоха»... ну и, в-третьих, именно она видела Марину последней.

«Сыщик прав, что подвергает сомнению мои слова, — думал молодой человек. — Но и от Вероники он большего не узнает».

Старица — Москва

Хромов повторно прочитал обратный адрес на письме из Москвы, удивленно хмыкнул.

— Кто такой Шелестов, мама? — спросил он у Зинаиды Васильевны.

Мать сидела у печки, грела больные ноги.

— Шелестов? Не припоминаю.

— Виктор Анатольевич, — добавил сын. — У тебя не было такого ученика? Странно, что письмо адресовано мне.

— Раскрой и прочитай, чего гадать-то?

Валерий с некоторой опаской последовал ее совету. Он не любил сюрпризов. Мало ли что таится в аккуратно заклеенном белом конверте с изображением памятника Пушкину на лицевой стороне? Хорошее ли известие?

Он отрезал край ножницами, вытащил сложенный вдвое листок с напечатанным текстом. Адвокат Шелестов скупыми официальными фразами сообщал, что является доверенным лицом гражданки Хромовой Яны Арнольдовны, ныне покойной, и настоятельно просит Валерия Хромова как можно скорее приехать в Москву и посетить адвокатскую контору, расположенную на улице Горбунова, для беседы. Речь пойдет о наследстве, оставшемся после смерти его супруги.

— Какое еще наследство? — пробормотал Хромов. — Ничего не понимаю.

Зинаида Васильевна водрузила на нос очки и попросила дать ей письмо. Она прочитала текст вслух, по привычке.

— Яночка умерла? Не может быть. Отчего? Такая молодая...

— Трудно поверить, — вздохнул Валерий. — Мы так и не развелись, а близких родственников у нее не было. Значит, квартира мне достанется. Но... как же похороны? Ее надо похоронить! Завтра поеду. Нет... сегодня. У нас есть деньги?

— Посмотри в шкатулке.

— Боже мой... я ничего, ничего не знал! Как она жила все эти годы? С кем? Возможно, болела. Ах, Яна, Яна! Ни разу не позвонила, не написала! Что с ней случилось?

Он еще не до конца осознал, что Яны больше нет.

— Так ведь и ты молчал, — печально произнесла Зинаида Васильевна. — Обидели вы друг друга и не хотели прощать. Грех это! Теперь ты вдовец.

— Вдовец, — растерянно повторил Хромов. — Вдовец...

Он достал из комода шкатулку с облупившимся по уголкам лаком и пересчитал деньги — их хватало на билет до Москвы, но не на достойные похороны. Как же быть? Валерий опустился на диван, тяжело вздохнул:

— Денег мало. И одолжить не у кого.

— А Лида не даст?

Лидой звали подружку сына, ту самую почтальоншу Семенцову, которая принесла скорбную весть.

— Лида на работе, — оживился Хромов. — Пойду, пожалуй, спрошу! Да... захвачу письмо. — Он сложил лист и засунул в карман, нервно прошелся по комнате, кусая губы. Какая-то мысль пришла ему в голову, и он снова вытащил письмо, пробежал глазами. — Тут есть телефон этого Шелестова. Может, позвонить?

Не ожидая ответа, Валерий набрал номер адвоката. Хромов был как во сне, словно за него ходил, говорил и действовал кто-то другой. Он не помнил ни подробностей разговора с Шелестовым, ни того, как потом оказался в местном отделении почты. Только одно дошло до его сознания — Яну уже похоронили, осталось уладить кое-какие формальности, касающиеся имущества.

Лидия принимала посылку у пожилого мужчины в очках, сосредоточенно занималась оформлением. Хромов наклонился к окошку.

— Что-то случилось? — испуганно подняла она голову. — Я сейчас освобожусь.

Через пару минут женщина дала старику сдачу, квитанцию и подозвала Хромова.

— Иди сюда, Валера! На тебе лица нет. В том письме что было-то?

— Жена моя умерла... Яна, — прошептал он. — Ехать надо.

— На похороны?

Его лицо исказила гримаса то ли горя, то ли... недоумения.

— Не знаю. Денег дашь в долг?

— Конечно.

Хромов молча кивнул и ушел, забыв поблагодарить Лиду.

— Чудной мужик, — сказала молодая напарница почтальонши, глядя ему вслед. — Будто не в себе.

— У него жена умерла, — объяснила Семенцова. — Горе у человека!

Валерий шел по улице, не ощущая холода. Не то чтобы он все еще любил Яну — его потряс сам факт смерти женщины, такой же молодой, как и он сам, с которой они делили постель и прожили бок о бок не один месяц. «Значит, вот как бывает, — думал Хромов, шагая по обледеневшему тротуару, — есть человек... и нет человека. Будто и не было».

Он вернулся домой, попросил мать собрать вещи и отправился на вокзал. Чего тянуть-то? Раз надо, он придет, поможет разобраться с имуществом Яны. Хотя какое там имущество? Мебелишка старая, ценностей никаких, кроме телевизора да холодильника. Интересно, квартира у Яны приватизированная? Если да, то можно будет ее продать.

Мысль переехать в Москву и жить в квартире покойной жены не пришла Валерию в голову. Он бы не смог. Он с содроганием представлял себе, как переступит порог пустой квартиры, где витает дух смерти... где каждая вещь пропиталась запахами хвои, свечного воска и сладковатым привкусом тлена. До сих пор Хромову не приходилось сталкиваться со смертью лицом к лицу — он избегал покойников, похорон и даже разговоров на эту печальную тему. Единственная бабушка его давно упокоилась с миром в своей деревне, в полчасе езды от Старицы, и все хлопоты по совершению обряда взяла на себя Зинаида Васильевна; о судьбе отца Валерию было ничего не известно, а другой родни у Хромовых не осталось. Возможно, поэтому он столь близко к сердцу принял кончину Яны. Словно смерть постучалась в двери к нему, Валерию, — грубо и неожиданно вторглась в его привычный мирок.

Находясь в полной прострации, Хромов побродил по вокзалу, разглядывая табло, нашел кассу, взял билет до Москвы, дождался поезда и вошел в вагон, сел... Внутри звенела пустота. Стук колес навевал глухую дрему, веки отяжелели... и открылись, когда поезд подъезжал к конечному пункту назначения.

— Спал я, что ли? — ни к кому не обращаясь, произнес Хромов.

Пора выходить, добираться до улицы Горбунова, где ждал Шелестов. На перроне в зеленоватом свете фонарей видно было, как летит с черного неба густой снег.

Виктор Анатольевич Шелестов отпустил секретаршу и курьер, стоя у открытой форточки. Где же, черт возьми, этот Хромов? Заблудился, что ли? Мобильного телефона у него наверняка нет — не свяжешься, не выяснишь, в чем дело. Вот наказание!

Будь Шелестов преуспевающим адвокатом, гонорары которого заставляют коллег завистливо вздыхать, он бы плюнул на запаздывающего посетителя и ушел домой. К сожалению, Виктор Анатольевич не мог позволить себе такой роскоши. Дела его шли кое-как, клиентов было мало.

Наконец кто-то робко постучал в дверь.

— Слава богу, — пробормотал Шелестов, бросая окурок в пластиковую корзину. — Надеюсь, это он.

Хромов произвел на адвоката удручающее впечатление — бесцветный, безликий, начисто лишенный какого-либо намека на индивидуальность, плохо одетый, с унылым, кислым лицом, он переминался с ноги на ногу и молчал.

Если бы перед этим Виктор Анатольевич не изучил внимательно документы, из которых следовало, что покойная Яна Арнольдовна и здравствующий Валерий Михайлович Хромовы состояли в законном браке, то удивился бы. Однако впечатление об умершей оказалось весьма обманчиво, посему адвокат не стал делать поспешных выводов.

— Пойдемте, — сказал он и повел испуганного посетителя в свой кабинет, расположенный рядом с кабинетом нотариуса. — Я уполномочен посвятить вас в некоторые подробности. Вы не против?

У Хромова язык присох к небу, и он только согласно кивнул. В скромно обставленном кабинете адвокат по-хозяйски уселся за стол, а посетителю предложил занять стул с кожаным сиденьем. Тот, не поднимая глаз, покорно сел.

«Что это с ним? — неприязненно подумал Шелестов, доставая пакет с документами. — Он дееспособен хотя бы?»

— Ваша жена умерла... э-э... шестнадцатого января сего года...

— Простите, — перебил его Хромов. — Но я бы хотел знать, отчего... ну, какая была причина ее смерти? Болезнь или несчастный случай?

— Яну Арнольдовну убили.

— У-убили? — переспросил Хромов, и его губы задрожали. — Как убили? Вы... что-то путаете.

— Убили, — подтвердил адвокат. — Причем зверски. Тело было изуродовано... вот заключение о смерти. Кстати, мне придется сообщить в полицию о вашем появлении. Формальность, но я обязан ее соблюсти.

— В по... полицию? — еще больше побледнел Хромов.

— В случае насильственной смерти необходимо выяснить все обстоятельства. Ко мне приходили из уголовного розыска, но я ничем не смог им помочь... тогда. Они особо и не настаивали, так... соблюдали процедуру. Убийцы вашей жены, в принципе, известны — это банда «Алая маска». Слышали? В Москве от их рук погибли уже несколько женщин. Отличительная черта почерка преступников — изуродованные лица жертв, потому их так и назвали. Они могут ворваться не только в квартиру, куда угодно: в маленький магазинчик, в аптеку, в парикмахерскую. Быстро расправиться с какой-нибудь женщиной и скрыться. Говорят, бандитов трое, вероятно, психически неуравновешенные люди, наркоманы. Вашей жене не повезло, она неосторожно открыла им дверь квартиры... а впрочем, от судьбы не уйдешь. Вы верите в судьбу?

Валерию казалось, что это происходит не с ним — как будто он смотрел детективный сериал по телевизору или видел страшный сон.

— Дело в том, что вас не могли сразу найти, — продолжал между тем адвокат. — У Яны Арнольдовны не оказалось ни вашего адреса, ни свидетельства о браке, ее паспорт тоже пропал. Где вы? Чем занимаетесь? Никто не знал. Соседи успели о вас забыть, да и вообще в многоквартир-

ных домах жильцы бывают едва знакомы. А вот мою визитку обнаружили среди вещей убитой, поэтому пришлось давать пояснения.

Хромов отказывался что-либо понимать.

— Кстати, что вы делали в тот день, когда убили вашу супругу? — усмехнулся Виктор Анатольевич. — У вас есть алиби?

— Я... каждый день работаю, с утра до вечера: много заказов. У меня один выходной — скользящий.

— Вот об этом вы и расскажете следователю, если он спросит. Сомнительно, что вас вызовут для дачи показаний. Судя по словам Яны Арнольдовны, вы давно расстались, отношений не поддерживали, да и способ убийства, все детали ясно указывают на «Алую маску». Надеюсь, вы не являетесь членом этой... преступной группы?

— Что вы! — подскочил на стуле Хромов. — Я впервые слышу... от вас... про убийство и про... бандитов. Я живу в Старице.

— Знаю, знаю, — почти добродушно закивал адвокат. — Вы позволите? У нас нынче идет борьба с курением... Ничего, если я стану дымить в вашем присутствии?

Он достал сигарету и прикурил.

— Пожалуйста... — пробормотал посетитель.

Шелестов сделал несколько глубоких затяжек и, прищурившись, уставился на Валерия.

— Приехать из Старицы в Москву, совершить убийство и уехать обратно — пара пустяков. Вы не находите?

— Да-да... да, конечно. Но это не я! Я не бандит! Я... столяр. Делаю двери, окна... мебель разную. Я года два никуда не выезжал, — оправдывался Хромов. — У меня мать больная!

— Лежачая?

— Нет. Пока ходит, но оставлять ее надолго нельзя. У нее бывают приступы... по ночам.

Шелестов выпустил струю дыма, хмыкнул. Ему расхотелось дразнить приезжего, тот и так еле дышит от страха и растерянности. Куда ему сотворить то, что сделали с Яной убийцы? Его от одного вида тела стошнило бы, а то и в обморок бы хлопнулся. Хлипкого мужичонку выбрала себе

в мужья покойная Хромова. Правду сказать, она и сама внешностью не вышла, зато в другом оказалась не промах. А по виду не подумаешь... Ладно, хватит байки травить, пора и к делу приступать.

— Я пошутил, — примирительно произнес адвокат. — Успокойтесь.

Бывший супруг его клиентки покрылся испариной, нервно заерзал.

— Ч-что от меня тре... требуется? — с трудом выдавил он. — Расписаться где-нибудь?

— Ваша жена принесла мне на хранение некоторые бумаги... незадолго до смерти. Признаться, меня это удивило. Сказала, на непредвиденный случай.

— Бумаги? — не поверил своим ушам Хромов. — На хранение?

— Именно! Это документы. Все оформлено честь по чести. Яна Арнольдовна передала их в закрытом конверте, ваш адресок положила. По нему я вас и отыскал!

— Меня?

— Вас, сударь! Потому как мы с... покойной заключили договор — устный, разумеется, — что при резком изменении жизненных обстоятельств я вскрою конверт и найду человека, чей адрес окажется среди бумаг. Полагаю, смерть госпожи Хромовой можно квалифицировать как резкое изменение жизненных обстоятельств?

— Да, конечно, — мрачно подтвердил Валерий. — Выходит, вы были знакомы?

— Я адвокат, — ушел от прямого ответа Шелестов. — Она была моей клиенткой, которая обратилась за определенным рода услугой и заплатила за нее. Немалую сумму, между прочим. С тех пор мы больше не встречались. О насильственной смерти своей клиентки я узнал от оперативника уголовного розыска. Теперь я исполняю взятые на себя обязательства. Прошу вас, — он подвинул лежащий на столе конверт с бумагами в сторону Хромова. — Посмотрите.

У овдовевшего супруга дрожали руки. Он взял конверт, вытащил из него бумаги... какие-то бланки с печатями и подписями... другие документы.

— Что это? — Валерий поднял глаза на адвоката. — Я не понимаю.

— Ваша жена, как оказалось, была состоятельной женщиной... весьма обеспеченной. Гм-м... поскольку по закону вы являетесь ее мужем, а других родственников не имеется, через условленный промежуток времени все ее имущество перейдет к вам. Если не объявятся другие наследники и не заявят о своих правах.

Хромов почувствовал себя нехорошо. Яна была богата? Что за чушь! Вероятно, это все-таки сон.

— Вы шутите?

— Неужели мне больше делать нечего? — сердито сдвинул брови Шелестов. — Сидеть допоздна в офисе и разыгрывать столяра из Старицы по поводу состояния его зверски убитой жены — занятие неблагодарное и даже... кощунственное. Я такого греха на душу брать не собираюсь. Да и удовольствия никакого!

— Не верю, — угрюмо буркнул Валерий.

— Почему? Вы ведь уже давно вместе не проживали и, по словам Яны Арнольдовны, никаких отношений не поддерживали: следовательно, вам неизвестно, как складывалась ее судьба. К тому же перед вами документы — читайте, разбирайтесь.

У Хромова кружилась голова, а в груди появилось ощущение нарастающего беспокойства.

Глава 4

Веронику Грушину сыщик застал в комнате бывшего заводского общежития, которую они с Мариной снимали на двоих. Убогая обстановка напоминала любую жилую комнату, много лет сдаваемую внаем, — ободранные стены, потолок в желтых разводах, с которого свисает жалкий светильник советских времен, поломанная мебель и неистребимый запах старых вещей, пыли, запущенности. В закутке устроена крошечная кухня — электроплитка на тумбочке и раковина для мытья посуды.

— Вы найдете Маринку? — не сдерживая слез, спросила Грушина.

— Не знаю, — честно ответил Всеслав. — Буду стараться.

— Она мне как сестренка... единственный близкий человек!

— Я понимаю. Сделаю все возможное.

В таких комнатах Смирнову становилось не по себе, хотя он и знал, что тысячи людей вовсе не имеют крыши над головой, даже такой. В этой общаге все же тепло, есть водопровод, душевая комната на первом этаже. Жить можно.

Он пытался ответить на вопрос, что приводит человека к подобным бытовым условиям и нередко заставляет находиться в них до старости. Наследственность, образ мыслей, убеждения, склад характера? Есть люди, которые с самого «дна» поднимаются если не к головокружительным вершинам, то к устойчивому достатку, а другие начинают вроде нормально, затем постепенно опускаются — кто быстрее, кто медленнее — и теряют все.

— Как вы сами думаете, что произошло с Мариной? — сидя на расхлябанном стуле и стараясь не делать резких движений, поинтересовался сыщик.

— Ой, да что угодно! Под машину могла попасть, сознание потерять... или маньяк какой заманил в автомобиль, отвез в лес и... — Вероника заплакала, под ее глазами и на щеках образовались черные потеки от туши. — Мы с ней с детства несчастные: родители нас бросили, потом детский дом... вам не объяснить, что это за жизнь! У Маринки здоровье плохое: малокровие, хронический ревматизм, сердце пошаливает. Вдруг она упала где-нибудь и умерла? Такие, как мы, неприкаянные, никому не нужны.

— А труп где?

Молодая женщина вздрогнула, перестала всхлипывать.

— Тру-у-уп? Если маньяк убил сестренку... то в лесу закопал, в землю. Или расчленил тело и на мусорку выбросил.

— Сейчас зима, — заметил Смирнов. — До земли не доберешься. А неопознанных женских тел, к которым подходили бы приметы Марины, в последние десять дней в городе не обнаруживали.

— Значит, в снег закопали, — стояла на своем Грушина. — Или в морге валяется, просто нам не говорят. Хотят для опытов использовать!

Сыщик не стал спорить, видел, что это бесполезно.

— Расскажите о том вечере, когда вы со Стасом ходили в клуб «Молох».

— «Молох»... — задумчиво произнесла молодая женщина. — Странное название. У нас в Шахтах тоже был клуб молодежный — «Сполох»! Похоже звучит. Оба слова непонятные.

— И чем этот «Сполох» занимался?

— Создал отряд по изучению истории родного края, они в походы ходили, экспедиции разные. Мы с Маринкой хотели туда вступить, но нас не взяли. Взнос надо было платить, а денег не хватило! Сами видите, — она повела в воздухе руками, — какое у нас материальное положение. Едва концы с концами сводим. Мы бы и в «Молох» не попали, если бы не Стас, — он за нас заплатил.

— То есть вы вступили в этот клуб? — задал провокационный вопрос Смирнов.

— Не-е-ет, только зашли посмотреть, как и что. Ужасное место! Охрана, люди в балахонах, никто слова лишнего не проронит, музыка похоронная какая-то. Но самое отвратительное — младенцы в стеклянных кувшинах, вниз головой. Не сразу сообразишь, что это куклы. Жуть! А потом этот... колдун ихний, заклинания бормотал и в колокол звонил. Мы с сестренкой не выдержали, захихикали — только не от веселья, а от неловкости, реакция у нас такая. Колдун нам еще розы давал нюхать: он их будто из воздуха сделал. Но цветы оказались настоящие. Забавно... как в цирке. Мы опять захихикали, он страшно разозлился и... произнес проклятие. Мол, одна из нас должна *утолить жажду* Молоха... Все, кто были в балахонах, завывали, а колдун указал на Маринку. Честно вам признаюсь, у меня мороз по коже пошел. Мы испугались, бросились наутек... пальто даже не стали надевать, забыли. Стас за нами. Очухались только в такси.

— Это все?

— Все, — подавленно кивнула Вероника и неумело перекрестилась. — Вот вам крест!

— Вы не связываете исчезновение вашей подруги с посещением «Молоха»?

Из глаз молодой женщины хлынула новая волна слез.

— Как же не связываю? Проклял нас тот колдун! Понимаете? Мы прокляты... наверное, с самого рождения, а он только подтвердил это. Бедная Маринка-а-а...

Грушина рыдала, а сыщик размышлял.

— Вы ничего подозрительного не замечали перед тем, как Марина пропала? — спросил он, когда та немного успокоилась.

— Нет. Все было, как всегда... кроме того ужасного «Молоха». И зачем Стасу понадобилось приглашать нас туда? Знаете, теперь я боюсь собственной тени! Я с тех пор, как сестренка не вернулась, не могу спать. Стас мне снотворные таблетки купил, но они не помогают. Как закрою глаза — вижу ужасное, блестящее от краски лицо колдуна, его глаза с красным ободком... и чувствую запах роз: он наполняет легкие, душит. Какой тут сон?! Вы верите в силу проклятия?

Раньше Смирнов не верил, но обширная сыскная практика последних лет поколебала его принципы, изменила взгляды на многие вещи. Существует нечто непостижимое, которое вмешивается в привычную и понятную жизнь людей, влияет на них, зачастую определяет судьбу. Можно по-разному относиться к этому, но игнорировать — непростительная беспечность.

— Как вам сказать? — улыбнулся сыщик. Он был не готов к дискуссии на тему черной и белой магии.

— Значит, верите, но боитесь признаться, — вздохнула его собеседница. — И то, что произошло с Мариной, доказывает существование колдовства.

— Так уж сразу и колдовства! Давайте сначала переберем все реальные причины исчезновения вашей подруги, а потом уже... если понадобится, перейдем к *потусторонним силам*.

— Вы шутите, а я серьезно! — рассердилась Вероника.

— Я тоже серьезно, — убедительно произнес Всеслав. — Поверьте. Но у меня есть порядок действий, которого я привык придерживаться. Вы убеждены, что нам не стоит заниматься иными версиями, кроме колдовства?

— Вы правы. Извините. Просто... мне так жалко се- стренку... и себя. Я ведь без нее совсем одна останусь на бе- лом свете! Вообще... жизнь не сахар. Даже здесь, в Москве. Нигде не чувствуешь себя в безопасности — ни на улице, ни на рабочем месте, ни в собственном доме. Вы слышали про страшную банду «Алая маска»? О них и в транспорте гово- рят, и в магазинах, везде! У нас на рынке болтают, как они расправляются со своими жертвами, уродуют лица. Откуда такая жестокость? И почему их до сих пор не посадили? Куда полиция смотрит?

— Преступников ищут, — сказал сыщик. — И непременно поймают.

Он был наслышан об «Алой маске»: на поимку этой бан- ды столичные силовики бросили все возможные средства.

— Я боюсь выходить из комнаты, — кутаясь в пуховой платок, призналась молодая женщина. — Пришлось уво- литься с работы. Мы с Маринкой давно решили подыскать себе что-то получше. Только куда нас возьмут? Без связей никуда не сунешься, а опять Стаса просить... неловко. Мы и так ему обязаны. Он нам помог устроиться, о жилье по- хлопотал. Нельзя же человеку на голову садиться!

— Да... пожалуй. Так вы, говорите, искали себе новую работу?

Вероника уныло кивнула.

— Пробовали. Газеты брали с объявлениями, звонили повсюду... в основном предлагают сетевой маркетинг. Еще требуются продавцы, разносчики рекламных листов, на- клейщики объявлений. Хорошую работу так запросто не предложат, тут побегать надо. Думали, нас в тепличное хо- зяйство возьмут, за растениями ухаживать. Обещали вроде! Позвонили, приходите, мол, поговорим об условиях. Марин- ка пошла... и... все, с концами. Туда она так и не добралась.

— Что за тепличное хозяйство? — ухватился за соломин- ку Смирнов. — У вас есть их координаты?

— Да, конечно, — Вероника порылась в тумбочке и до- стала газету. — Вот телефон, обведенный красным флома- стером. Мы к ним первый раз вместе ездили, это рядом с метро «Щелковская». Маленькая контора в жилом доме

внутри двора, вход с торца... еле нашли. Хорошо, что выве- ска яркая — «Хозяйство Зеленая Роща» — издалека видна.

— Адресок дадите?

— Зачем? — удивилась она. — Маринка к ним не до- ехала, я звонила, узнавала.

— Мало ли? Вдруг там неподалеку происшествие какое было, несчастный случай? Кто-то что-то слышал, видел? Возможно даже, ваша подруга приходила в контору, а слу- жащие ее забыли, напутали с фамилией. Кстати, я бы по- просил у вас ее фотографию. Имеется?

— Только маленькие, как на документы.

Вероника дала сыщику пару снимков подруги и адрес тепличного хозяйства, куда поехала Марина Комлева и не вернулась.

— А бумаги какие-нибудь у нее были? Записная книж- ка, школьный аттестат, например? — спросил он, разгляды- вая непримечательное худое личико на фотографиях. Такое вряд ли кто запомнит — глазу зацепиться не за что.

— Паспорт Маринка взяла с собой, записная книжка у нас общая... вот, — Грушина протянула сыщику тонкий дешевый блокнотик и целлофановый пакет с документами подруги. — Тут все.

Блокнот оказался почти пустым, а несколько бумажек — аттестат, удостоверяющий окончание школы-интерната при детском доме № 2 в городе Шахты, свидетельство о рожде- нии и медицинское заключение о наличии хронических за- болеваний — ничего существенного к словам Вероники не прибавили.

— У Марины были знакомые в Москве, кроме Стаса Ки- селева?

Грушина отрицательно покачала головой.

— Н-нет... нет! Мы этим летом приехали, друзьями- приятелями обзавестись не успели. На работе кое с кем мог- ли поболтать, но так... по ходу дела. Здесь, в общежитии, здороваемся с соседями, одалживаем деньги по мелочи или хлеб, если купить забыли, а близко ни с кем не сошлись. Нам и вдвоем не скучно.

Она осеклась, вздохнула глубоко и... залилась слезами.

* * *

Хромову негде было остановиться в Москве, и он поехал в Кунцево, в квартиру Яны. То, что жена мертва, так и не дошло до него в полной мере.

Стояла ветреная, бесснежная морозная ночь, под ногами зловеще поскрипывало. В потемках Валерию не сразу удалось отыскать нужный дом — пять лет прошло все-таки. Срок немалый. В подъезде так же пахло мусоропроводом и котами, лифт так же был исписан непристойными выражениями и признаниями в любви — он, дребезжа, пополз вверх и остановился на пятом этаже, доставив Валерия на лестничную площадку со знакомой дверью: пыльная коричневая обивка, глазок, наклеенная полицией бумага с печатью...

Он зачем-то оглянулся, нет ли кого на лестнице, прислушался — за дверью царил тишина. Где-то выше монотонно ругались мужчина и женщина, плакал грудной ребенок, в воздуховодах гудел ветер. Валерий присмотрелся — замок на двери сохранился прежний, Яна его так и не поменяла. Он полез в карман, достал связку ключей: неужели удастся открыть? О чудо! Ключ от квартиры, который до сих пор висел на общей связке, легко вошел в замочную скважину, повернулся с тихим щелчком — у Валерия екнуло сердце. Он с опаской взглянул на бумажку с печатью — можно ли ее обрывать? Вдруг не положено? От пережитого волнения он забыл спросить об этом адвоката Шелестова. Он о многом забыл спросить.

— Не ночевать же на улице?! — пробормотал Хромов, осторожно потянув на себя дверь.

Бумажка с печатью отстала: или плохо держалась, или кто-то любопытный уже оборвал ее с одной стороны. Из мрака прихожей потянуло застоялым запахом непроветренного помещения, какого-то дыма, хвои. Похороны! — вспыхнуло в уме Валерия. Он отшатнулся, с трудом сдержался, чтобы не захлопнуть дверь и не ринуться прочь, куда глаза глядят. А выбор у него был небогатый — на вокзал, обратно в Старицу, или на улицу, бродить в поисках мало-мальски теплого подвала. Там бомжики ночуют, еще, пожалуй, побьют за непрошеное вторжение.

Эта мысль придала Валерию храбрости. Да что он, в самом деле, трясется от страха, как мальчишка? Всюду люди умирают, а потом их родственники продолжают жить в тех же квартирах, домах. Никто не бежит сломя голову.

Он перекрестился и... шагнул внутрь. По спине побежал неприятный холодок, волосы зашевелились. А ну как душа Яны все еще здесь, не хочет покидать привычное место? Говорят, убитые долго не могут найти покоя, бродят, не понимая, кто и почему столь безжалостно обошелся с ними, отнял жизнь ни за что ни про что.

Где же выключатель? — шаря по стене, напрягся Хромов. Он нащупал то, что искал, но свет не зажегся. Лампочка перегорела.

— Черт! — выругался гость и тут же спохватился, замолчал.

Затаив дыхание, он двинулся вперед, стараясь ступать неслышно. В квартире было темно, как в преисподней. К счастью, люстра в гостиной, которую они покупали вместе с Яной, зажглась и осветила комнату. Перед Валерием предстал ужасный беспорядок — вся мебель была сдвинута к стенам, на полу валялись обрывки бумажных цветов, еловые ветки, фантики от конфет, на полке стояли наполовину обгоревшие церковные свечи.

Со слов адвоката Валерий знал, что кто-то из соседей оплатил весьма скромные похороны Яны в закрытом гробу, что из морга ее останки на пару часов привезли в квартиру для церемонии прощания, что, кроме работников ритуальной службы и нескольких женщин-соседей, никто не провожал ее в последний путь. Шелестов сообщил также, что тело кремировали, а где урна с прахом, ему неизвестно.

— Хотите забрать? — спросил он у Хромова. — Тогда есть смысл наводить справки.

Тот отрицательно покачал головой. Он пока не соображал, чего хочет или не хочет. Должно пройти время.

Из гостиной Валерий прошел в спальню — здесь почти все выглядело как при нем. Только трюмо закрывал темный платок да книг на полках и этажерке заметно прибавилось. Интересно, сменила Яна место работы после того,

как они расстались, или продолжала сидеть в своем киоске? Ведь надо же ей было на что-то жить? Судя по обстановке в квартире, ее доход не увеличился.

Овдовевший супруг прилег на кровать и задумался.

Сумбур мыслей, страх, неловкость, замешательство не проходили, наоборот, нарастали. Из документов, которые передал ему адвокат, следовало, что Яна являлась владельцем нескольких объектов недвижимости, среди которых значился и книжный магазин «Азор». Именно этот факт особенно поразил Хромова. Стоило торчать в подземке, в жалком киоске, ишачить на хозяина, имея собственную торговую точку — не какой-то лоток, а целый магазин? Это не укладывалось в голове. А четырехкомнатная квартира на Шереметьевской улице? А загородный дом в Подмоскowie? У Яны, оказывается, и счет в банке имелся! И при всем том она прозябала в этих комнатухах с облупленными потолками и скрипучим полом, приобретала захудалую одежку на оптовых рынках и питалась дешевыми продуктами. Что за ерунда?

— Постой, — возражал сам себе Валерий. — Так было раньше. Пять лет не прошли для Яны напрасно, она... Нет! Похороны яснее ясного говорят об уровне ее достатка. Да и все это!

Он резко поднялся, прошел на кухню, открыл дверцу холодильника — там сиротливо лежали несколько яиц, кусочек засохшего сыра, остатки вареных макарон в кастрюльке, наполовину пустой пакет молока. Хромов минуту созерцал содержимое холодильника, потом тяжело вздохнул и приложил руку ко лбу. Нет ли у него жара?

Холодильник был отключен, и продукты начали издавать дурной запах. Бывший жилец этой квартиры распахнул форточку, подставил лицо холодному воздуху. Облегчение не наступало.

— Откуда Яна взяла деньги, чтобы приобрести указанное в документах имущество? — повторил Хромов тот же вопрос, что задавал адвокату.

Он вспомнил, как Шелестов, закатив глаза, молча развел руками.

— Какое мое дело? — наконец сказал он. — Впрочем, возможно, ей ничего и не принадлежало. Сейчас многие оформляют бизнес и недвижимость на подставных лиц. Тогда настоящий хозяин непременно объявится, даст о себе знать. У него должны быть координаты вашей покойной жены — адрес, телефон. Не волнуйтесь! Просто ждите.

Валерий оставил форточку открытой, напился воды из-под крана и вернулся в спальню. Ему вдруг стало очень страшно: представилась картина жестокого убийства... лежащее на полу тело Яны, обезображенное лицо, кровь... Он с тоскливым ужасом обвел комнату взглядом. Где она лежала? Кто все здесь отмыл, прибрался? Господи... какая жуткая смерть настигла Яну! Разве он сможет заснуть здесь?

Чтобы как-то отвлечься, Хромов начал перебирать вещи, книги, осматривать ящики, полки — ничего существенного ему не попало: обычный хлам, который есть в каждой подобной квартире. Зато у «наследника» созрел план — обязательно сходить в киоск, где работала Яна, порасспрашивать о ней, а также посетить книжный магазин «Азор» и квартиру на Шереметьевской улице. За город он не поедет, а по Москве следует побродить, это лучше, чем сидеть в квартире, где произошло убийство.

К утру Валерий обыскал все уголки гостиной и спальни, кухни, ванной, туалета и прихожей. Ничего достойного внимания или наводящего на мысль, где покойная Яна раздобыла средства на приобретение дорогостоящего имущества, не нашлось. Даже балкон был тщательно исследован Хромовым — увы, безрезультатно.

Провозившись всю ночь, он почувствовал голод, достал из кухонного шкафчика гречневую крупу, соль, поставил вариться кашу. Собрал и выбросил в мусорное ведро испорченную еду из холодильника, подмел в гостиной, убирая следы похорон. Водки выпить, что ли? Помянуть умершую жену. За выпивкой придется идти в магазин.

От запаха разварившейся гречки засосало под ложечкой — Валерий почти сутки не ел. Он ощутил не только голод, но и усталость — нервы, дорога, разговор с адвокатом,

тяжкие раздумья, страх, ночь, проведенная в пустой квартире, где еще витал дух Яны, вымотали его.

«Выпью и усну, если удастся», — решил Хромов. Большой бумажный конверт с документами, который вручил ему адвокат, «наследник» положил в плотный пакет и засунул под матрац.

— Надежнее будет, — прошептал он.

Пора было одеваться, идти в магазин за водкой и хлебом. И вдруг в прихожей раздался подозрительный звук, словно кто-то осторожно, крадучись, открывает входную дверь.

Глава 5

— Ищите женщину! — засмеялась Ева. — В нашем случае это знаменитое выражение приобретает несколько иной смысл. Если женщина исчезла, за этим кроется сложная и запутанная история. Далеко не всем по зубам докопаться до истины.

— Надеюсь исключительно на подаренный тобой талисман, — пошутил Смирнов, прикасаясь к кулону из лапис-лазури с выбитым на нем египетским иероглифом «ИСТИНА».

Он не расставался с этим украшением на золотой цепочке, пряча его от посторонних глаз под рубашкой.

— Стой! — воскликнула Ева. — Погоди-ка...

Она вскочила из-за стола, за которым они завтракали, и подошла к окну, уставившись на падающий снег.

— Что случилось?

— Не отвлекай меня... ты сейчас сказал важную вещь, я чувствую, но... не могу сосредоточиться.

— Ладно!

Он не стал мешать Еве думать, набрал в тарелку вторую порцию нежнейшего омлета с грибами и паприкой и принялся уплетать за обе щеки.

Всеслав и Ева прекрасно дополняли друг друга: он олицетворял логическую и оперативную сторону сыска, она же — интуитивную, духовную. Благодаря Еве Смирнов понял одно: имея дело с человеком, нельзя игнорировать

его душевные порывы, его внутренний мир, в котором зарождается и зреет все, что потом появляется на подмостках жизни, — и творчество, и любовь, и... преступления. Увы, увы! В сущности, способность проникать в «потемки» чужой души сделала бы работу сыщика быстрой и легкой.

— Какая идея пришла в твою очаровательную головку, дорогая? — спросил он, покончив с омлетом.

Ева со вздохом вернулась к столу, села. Аппетит у нее пропал.

— Следует обращать особое внимание на самую первую мысль! — с нажимом произнесла она. — Что ты сказал после моей фразы о «сложной и запутанной истории»?

Сыщик пожал плечами.

— Ничего.

— А вот и нет! — Ева многозначительно подняла вверх указательный палец. — Ты упомянул Древний Египет!

— Разве? По-моему, я просто намекнул на талисман...

— Не спорь! — сердито перебила она. — На кулоне есть иероглиф, который в Древнем Египте обозначал *истину*. Значит...

Ева не смогла закончить мысль.

— Что?

— Пока не знаю. Но Египет всплыл неспроста.

— Конечно, — Смирнов спрятал улыбку. — Он будет всплывать каждый день, потому что я не снимаю цепочку, на которой висит камешек с иероглифом! И ты можешь созерцать его даже ночью, во время любовных ласк.

— Напрасно иронизируешь, — надулась Ева.

— «Молох» не имеет отношения к Египту, — заметил сыщик. — Ведь так? Это ненасытное финикийское божество, связанное с природой и солнцем, постоянно алчущее жертв! А финикийцы, как гласит история, жили на восточном побережье Средиземного моря. Правильно?

Она раздраженно кивнула.

— Видишь, какой я умный?

Ей стоило больших трудов приучить Смирнова пользоваться словарями и энциклопедиями, но наука пошла ему впрок.

Ознакомительный фрагмент закончился.
Хотите читать дальше?

**Купите книгу "Хозяйка книжного
магазина"**

и узнайте продолжение истории Евы и Всеслава...